

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) /
5.5.4. INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2026. Т. 55. С. 30–43

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 339.9(470+510)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.55.30>

Россия и Китай: экономические риски в условиях геополитической турбулентности

О. В. Архипкин, А. Н. Лапшин, С. А. Голик*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается динамика и перспективы политических и экономических отношений России и Китая под воздействием глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций, наблюдаемых в период заявленного стратегического партнерства между странами, с акцентацией на последнее десятилетие и на период 2022–2025 гг. Отмечается разноскоростное движение в достижении «всеобъемлющего стратегического партнерства» политической и экономической составляющих. Показывается, что при согласованности геополитических позиций в периметре экономического взаимодействия между Россией и Китаем имеют место противоречия как двусторонних отношений, так и производных от глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций и турбулентностей, порождающие риски для российско-китайского сотрудничества и для России в частности. В условиях санкционного давления со стороны Запада поддержание эффективных экономических связей с Китаем является фактором политической и экономической стабильности и безопасности развития России. Делается вывод, что стратегическое партнерство между Россией и Китаем доказало свою жизнеспособность и продуктивность и к настоящему времени имеет значимость глобального масштаба, что не исключает возможности негативного воздействия внешних факторов на двусторонние торгово-экономические отношения и потенциальные возможности их деформации. Подчеркивается, что Россия должна быть готова к вызовам геополитической и геоэкономической турбулентности, к потенциальным экономическим рискам и их нивелированию.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, торгово-экономические отношения, западные санкции, геополитические и геоэкономические трансформации, экономические риски.

Для цитирования: Архипкин О. В., Лапшин А. Н., Голик С. А. Россия и Китай: экономические риски в условиях геополитической турбулентности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 55. С. 30–43. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.55.30>

Original article

Russia and China: Economic Risks in the Context of Geopolitical Turbulence

O. V. Arkhipkin, A. N. Lapshin, S. A. Golik*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

© Архипкин О. В., Лапшин А. Н., Голик С. А., 2026

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Abstract. The article examines the dynamics and prospects of political and economic relations between Russia and China under the influence of global geopolitical and geo-economic transformations observed during the period of the declared strategic partnership between the countries, with an emphasis on the last decade and the period 2022–2025. The authors note the multi-speed movement in achieving an “all-encompassing strategic partnership” of political and economic components. With the consistency of geopolitical positions in the parameter of economic interaction between Russia and China, there are contradictions in both bilateral relations and those derived from global geopolitical and geo-economic transformations and turbulence, generating risks for Russian-Chinese cooperation and for Russia in particular. In the context of sanctions pressure from the West, maintaining effective economic ties with China is a factor in Russia's political and economic stability and development security. The strategic partnership between Russia and China has proved its viability and productivity and currently has global significance, which does not exclude the possibility of a negative impact of external factors on bilateral trade and economic relations and the potential for their deformation. Russia must be prepared for the challenges of geopolitical and geo-economic turbulence, potential economic risks and their mitigation.

Keywords: strategic partnership, trade and economic relations, Western sanctions, geopolitical and geo-economic transformations, economic risks.

For citation: Arkhipkin O.V., Lapshin A.N., Golik S.A. Russia and China: Economic Risks in the Context of Geopolitical Turbulence. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 55, pp. 30-43. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.55.30> (in Russian)

В продолжении длительной российско-китайской истории имели место различные периоды соотношения позиций России и Китая: геополитическое противостояние в XIX – начале XX в.; «русский и китаец – братья на век» в 50-е гг. прошлого столетия; конфронтация в 1960–1970 гг.; реанимация двусторонних отношений в постсоветский период; оформление тренда движения к всеобъемлющему стратегическому партнерству после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. и по настоящее время¹.

Ретроспекции содержания и качества российско-китайских отношений позволяют выделить их имманентные характеристики: во-первых, уровень политической консенсуальности и экономического взаимодействия между странами; во-вторых, влияние внешних факторов на двустороннее сотрудничество.

Объективно обусловленное наличие политической и экономической компоненты в двусторонних отношениях и взаимодействие внутреннего и внешнего контура российско-китайского сотрудничества не предполагает какой-либо заданной политической и экономической пропорциональности или взаимообусловленности билатеральной внешнеэкономической деятельности и мультилатеральной экономической политики России и Китая.

Так, основные положения базового партнерского Договора о стратегическом сотрудничестве имеют сугубо политическую направленность: из 25 статей документа только ст. 16 и 17 обращены к экономическим условиям партнерства. Общий дискурс Договора обеспечил высокие темпы политического сближения России и Китая, но никак не способствовал ускорению темпов роста экономического сотрудничества. Хотя априори предполагалось, что политическая солидарность найдет выражение в экономическом измерении.

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 10.10.2025).

На этом основании строились прогнозы на достижение товарооборота в 20 млрд долл. к 2005 г., далее в 100 млрд долл. к 2010 г., которые реализовывались, но с опозданием в 6–7 лет. Эти запаздывания могут служить иллюстрацией отставания уровня экономического сотрудничества от уровня политического единения. Китайской стороной эта диспропорциональность определялась как «горячая политика – холодная экономика».

Сдерживающим фактором развития экономических отношений в 90-е и нулевые годы являлась евро-атлантическая ориентация России и многовекторная внешнеторговая политика Китая. При взаимной декларации необходимости углубления развития экономического сотрудничества между странами его приоритетность находилась на периферии внешнеэкономических интересов как России, так и Китая [3].

Тем не менее медленный, но поступательный экономический рост между странами, стимулируемый ресурсными потребностями Китая и экспортными возможностями России, был зафиксирован в 2010 г. как первенствующий в объеме внешнеторгового оборота России. Китай отеснил на второе место Германию и с тех пор сохраняет положение основного экономического партнера России во внешней торговле.

События 2014 г. (присоединение Крыма к России) инициировали политические и экономические пертурбации в отношениях России с международным сообществом в его корпоративности «коллективный Запад». Деструкцией отношений России с западными странами была востребована компенсация политических и экономических издержек в альтернативных источниках поддержки.

Санкционное давление, угрозы политической и даже социально-культурной изоляции сподвигли Россию к активизации восточного направления своей внешней политики, персонифицированного Китаем и странами АТР, дополняя возможности противостояния Западу расширением и укреплением дружественных связей со странами Южной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Международные организации ШОС, БРИКС, системообразующими странами в которых являются Россия и Китай, на стадии формирования относились к региональным, после 2014 г. позиционируются как конкурирующие с традиционными глобалистскими финансово-экономическими центрами (ЕС, G7; МВФ, ЕБРР и др.), повышая геополитический статус России и Китая и отрицая возможность политического и экономического отчуждения России от мирового сообщества.

Рост концентрации совместных геополитических интересов России и Китая ускорился, с одной стороны, антироссийской позицией США и обострением китайско-американских отношений – с другой.

Но при политической общности в рамках стратегического партнерства Китай занял очень осторожную позицию на поле торгово-экономических связей с Россией после введения антироссийских санкций, не вступая в зону комплаенс-рисков, очередной раз демонстрируя асимметрию политического и экономического в российско-китайских отношениях.

Объяснимо и понятно, что Китай не стал конфликтовать с США и Западной Европой по поводу вменяемых санкций, но и не использовал имеющиеся у него инструменты для демпфирования санкций в двусторонних отношениях с Россией. Точнее сказать, использовал их избирательно и только в свою пользу. Особенно явственно это проявилось в нефтегазовом секторе. Проблемы с поставками углеводородов в страны Европейского союза Россия пыталась решить географически, диверсифицируя экспорт энергоресурсов и увеличивая его объем в дружественные страны. Нефтегазовый экспорт составляет основу российско-китайской торговли: экспорт нефти, нефтепродуктов, газа в Китай из России составляет более 70 % от общего российско-китайского товарооборота; доля российской нефти в китайском импорте составляет около 20 %; доля российского газа – более 30 %.

Китай с энтузиазмом воспринял предложение о увеличении поставок, но выдвинул встречные требования по корректировке и дисконтированию цен, ссылаясь на высокую волатильность мировых цен на энергоресурсы, но, по умолчанию, принимая во внимание затруднительное положение России на этом рынке и ожидаемое сокращение российского экспорта. Китайский расчет, что в данной ситуации «Москва заинтересована в экспорте нефти и газа больше, чем Пекин», оправдался, и Россия была вынуждена пойти на уступки, сократив тем самым рентабельность поставок до минимально приемлемых величин [4].

Следует учесть, что это типичная договорная модель китайской стороны с Россией. Если аппроксимировать российско-китайские торгово-экономические отношения за значимый исторический период, то приходится констатировать, что основным коммерческим бенефициаром всегда является Китай. Это наблюдалось в 1950-е гг., когда, спекулируя на политическом и партийном единстве с СССР, Китай получал инженерно-технические объекты, высокотехнологичное оборудование в том числе атомное по преференциальным ценам или в виде «братской помощи». В 1990-е гг., пользуясь российским финансово-хозяйственным хаосом, Китай получал по бартеру высоколиквидные товары в обмен на низкосортный китайский ширпотреб [1]. Ситуация по нефти и газу после 2014 г. – это в чем-то продолжение «уторговывания» цен на нефть и газ в нулевые годы в связи с проектами «ВСТО» и «Сила Сибири», строительство и согласование которых заняло более десяти лет из-за требований китайской стороны снижения уровня цен и предоставления льгот и преференций.

Поэтому заявленное в Договоре 2001 г. «уважение национальных интересов друг друга» отнюдь не всегда сопрягается с проблемами международной политики и адекватными экономическими реакциями на решение этих проблем. И, как показывают события последнего времени, нет оснований ожидать изменений китайского бизнес-стиля в двусторонних отношениях с Россией.

Введение так называемых вторичных санкций, имеющее целью ограничить торгово-экономическую и финансовую контактность с Россией стран, не присоединившихся к санкционным мерам, в значительной степени было направлено на Китай как на основного партнера России, что имело следстви-

ем осложнение в сотрудничестве российских компаний с китайскими контрагентами: усложнились процедуры взаиморасчетов по внешнеторговым сделкам, произошло торможение китайских инвестиций, Китай вышел из ряда российско-китайских проектов и программ.

Несмотря на некоторые девиации в экономических отношениях, вызванные геополитическими и геоэкономическими вибрациями и внутренними противоречиями бизнес-коммерческого характера, для России Китай находится в ранге главного стратегического, политического и экономического партнера на международной арене, способного обеспечить относительно устойчивую траекторию развития двусторонних отношений и консолидацию усилий в достижении совместных целей и в противодействии внешним недружественным силам.

За четверть века партнерства был сформирован механизм стратегического взаимодействия, который задает российско-китайским отношениям определенную инерционную силу дальнейшего развития и преодоления геополитических и геоэкономических опасностей глобальной нестабильности. Даже начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция и последующая за этим новая и еще более агрессивная волна западных санкций не только не уменьшили плотность российско-китайских отношений, но сместили основные параметры сотрудничества со знаком плюс.

Китай, формально заявив о нейтралитете к СВО и сторонам конфликта, имплицитно на стороне России. Многочисленные визиты высокопоставленных и уполномоченных лиц США и стран Западной Европы, имевшие целью включить Китай в команду противостояния России, не имели успеха [5].

Китай настаивает на своей приверженности к справедливой и разумной позиции по поводу конфликта на Украине и нежелании становиться на чью-либо сторону, но оказывает всевозможную помощь для достижения мира² [6, с. 30, 31].

Попытки Запада по существу повлиять на политическую линию Китая привели к отрицательным результатам. По истечении длительного периода времени Запад не может освободиться от рудиментарного ощущения своего превосходства над политически несостоятельным и неполноценным Востоком, проецируя эту иллюзию и на Китай.

Принимая во внимание уже состоявшийся факт, что в своей цивилизационной геополитической и геоэкономической ментальности Китай уже никогда не отойдет от претензий на центр мира (срединное государство) ради временных тактических выгод, если они вступают в противоречие с его сверхзадачей глобального доминирования.

У политического руководства КНР есть представление о том, что для капиталистического Запада Китай идеологически чужероден как социалистическое государство, возглавляемое Коммунистической партией, несмотря на российские политэкономические трансформации в конце прошлого века,

² Глава МИД Китая заявил о «беспристрастной» позиции по украинскому кризису // РБК. 08.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64d1f8e09a79472297380d01?ysclid=ma4tza71a0955441791> (дата обращения: 10.10.2025).

Китай исторически более близок России в архитектонике наследия СССР современной международной политики.

Кроме того, Китай крайне щепетильно относится к своей политической и экономической самостоятельности в международных отношениях и категорически отвергает акции Запада на его вовлечение в какие-либо альянсы по принципу «против кого дружим». Поэтому Китай просто проигнорировал предложенные ему Западом установки в отношении России, продолжая развивать уже сложившуюся практику экономического российско-китайского сотрудничества.

С началом СВО в России резко возросла потребность в дополнительных ресурсах импорта для поддержания стабильности экономики и промышленного производства. Приобретенный в предыдущие годы иммунитет к санкциям, проводимая политика импортозамещения не могли полностью компенсировать последствия нарастающей враждебности Запада, и Китай оказался одним из немногих партнеров, готовых на содействие (конечно же, не без выгоды для себя) в решении возникших у России проблем.

Следствием этого стал взрывной, в сравнении с предыдущими периодами, рост товарооборота. В истории российско-китайской торговли знаковым считается 2018 г., когда товарооборот достиг долго ожидаемого показателя в 100 млрд долл. и пребывал в пределах 100–110 млрд долл. до 2021 г.; потом товарооборот увеличился до 140 млрд долл.; продолжил рост в 2022 г. до 190 млрд долл. и в 2023 г. продемонстрировал рекордные 240 млрд долл.; в 2024 г. имел место незначительный, но все же прирост в 2 % до 244,8 млрд долл.³

Высокая динамика требовала взаимопонимания и более тесного взаимодействия между сторонами в организации внешнеторговых операций, в преодолении барьеров, устанавливаемых западной коалицией, в решении проблем валютно-финансовых расчетов, транспортной логистики, параллельного импорта и др., и полученный результат свидетельствует об успешности углубления двустороннего сотрудничества.

Поэтому закономерно выглядят регулярно возобновляемые совместные заявления и соглашения на высшем уровне руководства двух стран о развитии ключевых направлений российско-китайских экономических отношений на перспективу⁴.

Но политические реляции об успехах, достижениях и перспективах выносят за скобки содержание проблем и противоречий, присущих российско-китайским экономическим отношениям и формирующихся дисбалансов и диспропорций в процессах их развития под воздействием внешнеполитических и внешнеэкономических условий.

При общем росте товарооборота отдельные параметры могут иметь амбивалентные интерпретации. Так, рост импортных поставок из Китая явно

³ Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года // Президент России. 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5919> (дата обращения: 10.10.2025).

превосходит темпы роста экспортных поставок из России в Китай, особенно за годы СВО.

Если взять за базовый 2018 г., то по усредненным величинам ежегодный прирост импорта к 2021 г. составлял около 10 %. С начала СВО импорт прибавлял уже около 37 % в год.

Экспорт в период 2018–2021 гг. увеличился на 21 %, соответственно, прирост составлял около 5 %; с начала СВО темпы роста возросли до 23 % в год, что все же значительно ниже темпов роста импортных поставок.

Данная тенденция воспроизводится в более общих показателях торгово-экономических отношений между Россией и Китаем. Длительное время рост двусторонней торговли определялся ростом китайского импорта, характеризовался отрицательным сальдо внешнеторгового оборота с Китаем.

Произошедшие изменения международной обстановки, стимулирующие развитие российско-китайских торговых отношений, не дают предпосылок для оптимизма стабилизации торгового профицита в пользу России по представленной выше динамике темпов роста экспорта и импорта.

Вместе с этим существенный рост товарооборота регистрирует постоянно возрастающую роль и значение Китая в структуре внешнеторговой деятельности России.

Если сравнивать исходные и результирующие показатели удельного веса Китая в международной торговле России, то данные по таможенной статистике показывают следующее:

- доля Китая в общем внешнеторговом обороте России в 2010 г. составляла 9,5 %; в 2018 г. – 15 %; в 2021 г. – 18 %; в 2024 г. – 34 %;
- доля Китая в российском экспорте в 2010 г. составляла 5,1 %; в 2018 г. – 12 %; в 2021 г. – 14 %; в 2024 г. – 29 %;
- доля Китая в российском импорте в 2010 г. составляла 17 %; в 2018 г. – 22 %; в 2021 г. – 25 %; в 2024 г. – 40,6 %⁵.

Прямолинейная оценка количественного роста внешнеторгового сотрудничества однозначно трактуется как неограниченный потенциал развития политических и торгово-экономических российско-китайских отношений, провоцируя энтузиазм достижения новых рекордных значений внешнеторгового оборота с Китаем, прогнозируемых в 300–400 млрд долл. [7].

Величины вполне реальные для их реализации, но очередной этап количественного роста ничего не добавляет к экономическому качеству внешнеторгового оборота между Россией и Китаем, но усиливает степень зависимости России от Китая. Ранее для определения эффективности российско-китайских отношений был широко растиражирован тезис «о взаимодополняемости экономик», который имел не только позитивную семантику, но и служил эвфемизмом для сырьевой функции России в двустороннем сотрудничестве. Сейчас же входит в оборот недвусмысленное понятие «китаезависимость».

Критицизм в оценках современного положения России в двусторонних отношениях с Китаем на фоне подвижек в глобальной геополитической и

⁵ Федеральная таможенная служба Российской Федерации: таможенная статистика. URL: <https://customs.gov.ru/?ysclid=mbbrig6x79675668128> (дата обращения: 10.10.2025).

геоэкономической ситуации позволяет использовать отечественному и международному экспертному сообществу недвусмысленные, жесткие, а иногда уничижительные формулировки, адресуемые России: «Китай – безальтернативный партнер во внешней торговле России»; «по импорту Россия сейчас если не самая зависимая от Китая страна, то вторая после Северной Кореи»⁶.

Оставляя без внимания эмоциональное восприятие такого рода утверждений, приходится признавать, что при таких темпах роста китайского ингредиента в двусторонней торговле в логическом пределе вариант «китаезависимости» во внешнеэкономической политике России следует считать возможным. Если экстраполировать методологию отраслевых экономических рисков зависимости от внешних факторов на российско-китайские торгово-экономические отношения, используя количественные оценки, то критическими принимаются показатели близкие к 60 %, к которым Россия постепенно приближается [6].

В товарообороте усугубляются диспропорции в структуре как экспортных, так и импортных поставок. В экспорте непропорционально увеличивается доля энергетических и сырьевых товаров, причем планируется дальнейший рост: в мае 2025 г. состоялись очередные переговоры на высшем уровне по запуску в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири – 2». Энергетический комплекс России остается единственным ресурсом стабильности и роста экспорта в Китай, все другие товарные группы даже при положительной динамике поставок не сопоставимы с углеводородной составляющей экспорта.

Поэтому Россия любой ценой (иногда в прямом смысле) готова поддерживать энергетический экспорт на максимально высоком уровне. В 2023 г. Россия отодвинула по поставкам нефти в Китай Саудовскую Аравию на второе место; цена вопроса – снижение стоимости на 17 %, которое компенсировалось увеличением материальных объемов поставок. Для российско-китайских отношений в энергетической и сырьевой сферах это стало обычной практикой: колебания мировой конъюнктуры преодолеваются российскими дисконтами на нефть, газ, медь, никель, алюминий и т. п.

Являясь страной нетто-экспортером стратегически важных для мировой и китайской экономики товаров, Россия в настоящий момент не имеет достаточной степени свободы для эффективной реализации своего экспортного потенциала и вынуждена действовать с ущербом для своих национальных интересов под нажимом сложившихся геополитических и геоэкономических обстоятельств, которые предоставляют в одностороннем порядке преимущества китайской стороне.

Наращение материально-вещественного и стоимостного китайского импорта в Россию объективно детерминировано не только западным санкционным воздействием, но, прежде всего, военными действиями, начавшимися в феврале 2022 г. Получив уже некоторый иммунитет к санкциям в предыдущий период, Россия все же оказалась не готовой к полному самообеспече-

⁶ Западные эксперты оценили зависимость экономики России от Китая. 15.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/11/2022/63736ad59a7947d80ecae4a9?ysclid=maew68oset94238267> (дата обращения: 10.10.2025).

нию в условиях ведения СВО и связанных с ней незапланированных потребностей в ресурсах. Поэтому при сохранении стандартной структуры китайского импорта, характеризующейся преобладанием машинотехнической продукции над прочими товарными группами, резко возросли поставки оборудования, машин, транспортных средств, товаров двойного назначения (композиционные материалы, химические продуценты, средства связи, квадрокоптеры и т. п.), наряду с этим Китай стал основным каналом параллельного импорта в Россию.

Безусловно, рост китайского импорта для России – это вынужденная мера, вызванная необходимостью компенсации прекратившихся поставок из недружественных стран, генерации мощностей ВПК в условиях СВО, материально-технологического оснащения импортозамещающих производств и др.

Объемы китайского импорта будут увеличиваться в зависимости от его востребованности российской стороной. Торгово-экономические и производственные мощности Китая достаточны, чтобы удовлетворять запросы России по всем направлениям взаимодействия. В настоящее время актуализируется вопрос о поставках военной техники и летальных средств вооружения. До сих пор Китай официально воздерживается от прямой военной помощи, обоснованно опасаясь ответных политических и экономических действий Запада, но это не исключает положительного решения этого вопроса для России в будущем, поскольку глобалистские антикитайские настроения не могут не вызывать у Китая ответных реакций.

В последующем развитии военной, политической и экономической ситуации китайский импорт останется основным внешним источником и резервом, способствующим достижению поставленных Россией геополитических и геоэкономических целей.

Это положение принимается Россией как данность без учета негатива роста импорта в товарообороте с Китаем. Нежелательный, в силу своей социально-экономической непродуктивности, импорт отдельных групп китайских товаров, возбужденный противостоянием России и Запада и тем более СВО, представляется как часть неизбежных издержек в борьбе России за свой суверенитет, политическую и территориально-военную безопасность.

Но в долгосрочной стратегии двусторонних экономических отношений и Россию, и Китай не устраивает высокая степень зависимости от своего стратегического партнера, поэтому уже на современном этапе обе стороны изыскивают возможности географической и номенклатурной диверсификации рынков сбыта и рынков ресурсных поступлений для удовлетворения соответствующих интересов своей национальной и внешнеэкономической политики.

Примечательно, что вне политического нарратива российско-китайские отношения в ракурсе международных экономических отношений всегда были и остаются конкурентными, и эта конкуренция в настоящее время подогревается устремленностью к независимости от псевдовзаимодополняемости российско-китайских экономик. Примерами тому служат пересечения интересов России и Китая на Ближнем Востоке, на африканском континенте, в странах Латинской Америки, на территориях бывших республик СССР в

Центральной Азии (Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан). Разумеется, это никоим образом не афишируется на уровне официоза «стратегического партнерства», но некоторым образом снижает уровень геэкономического единства России и Китая.

В своих стратегических устремлениях ни Китай, ни Россия не имеют желания быть зависимыми друг от друга в большей мере, чем это предполагает экономический прагматизм двусторонних отношений.

В пределах возможного Россия избирательно увеличивает торговые барьеры как охранную функцию национального бизнеса, поскольку освободившиеся ниши после ухода с российского рынка западных компаний занимают или претендуют занять китайские фирмы, что заведомо порождает конфликт интересов китайско-российского бизнеса.

Безусловно, положительный факт, что в противовес американским санкциям в отношении России по ограничению валютных международных расчетов Россия и Китай (по разным источникам от 70 до 95 %) перешли на расчеты рубль/юань.

Но это не исчерпывает проблематику финансовых потоков для китайских компаний, сотрудничающих с Россией, но кредитруемых американскими и европейскими банками в долларах и евро. А китайские компании, инвестирующие в Россию через третьи страны, не имеют возможности получать свою маржу по наличию вторичных санкций к резидентным для китайских инвесторов странам.

В дополнение к этому все проблематичней становится транспортная логистика материально-вещественного передвижения товаров по российско-китайскому экспорту и импорту. Недовостребованные российские поставки в Западную Европу перенаправляются на Восток, перегружая Транссибирскую магистраль, которая уже не справляется с постоянно возрастающими объемами перевозок, к тому же санкционный западный пресс увеличивает дефицит возможностей морской транспортировки. Недостаточность инфраструктуры российского «поворота на Восток» технически не может быть восполнена в краткосрочный период, и это требует очень крупных инвестиций, которые не так просто изыскать при ведении СВО, а надежды на иностранные инвестиции даже со стороны некоторым образом заинтересованного Китая просто несостоятельны по той же причине.

Обращаясь к вопросу о китайских инвестициях в российскую экономику, приходится подтверждать общеизвестный факт, что в масштабах российской и тем более китайской экономики это (с некоторыми допущениями) статистически незначимые величины. В качестве аргумента: доля прямых китайских инвестиций в Россию не увеличивается с 2014 г., и Россия в настоящее время неконкурентоспособна с другими странами в борьбе за китайские инвестиции [4].

В данном послыше речь идет о прямых инвестициях. Но для полноты картины необходимо отметить, что Россия и Китай реализуют достаточно большой перечень проектов совместного инвестиционного сотрудничества: Ямал СПГ (20 % портфельных акций); Фонд Шелкового Пути (10 % порт-

фельных акций); «Запсибнефтехим», «СИБУР» (25 % акций); Арктик СПГ-2 – проект компании «Новатэк» (10 % акций) и т. д. По официальным данным, в настоящее время осуществляются около 80 инвестиционных проектов на общую сумму 170 млрд долл. [2]. Но эту сумму следует соотносить с десятию прошедшими годами и, что даже более показательно, с годовым внешнеторговым российско-китайским оборотом, который даже в максимуме 2024 г. составлял 244 млрд долл., т. е. это совсем не значительная величина инвестиций между двумя огромными странами, находящимися в отношениях «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Оставляет желать лучшего уровень технологического сотрудничества. Китайская наука в области информатизации и цифровизации производственно-экономических процессов, уже вступив в конкуренцию с наиболее продвинутыми в этом отношении странами (США, Великобритания, Германия, Япония), не спешит делиться своими достижениями с Россией не только потому, что этому препятствуют санкционные режимы, но и из соображений сохранения своего превосходства над Россией.

Однако наблюдаемые расхождения национальных экономических интересов не являются препятствием для укрепления политического тандема России и Китая в условиях непрекращающейся трансформации архитектуры мировой политической и экономической системы.

Событием, привнесшим новации в этот процесс, стала смена высшего руководства США в 2025 г. и возвращение к власти Д. Трампа, который с первых дней своего правления выступил в роли модератора турбулентности в устоявшемся раскладе сил и международных отношений, заявив о коррекции внешнеполитического курса и экономических установок, исходя из внутринациональных интересов.

Уже первоначально предпринятые или обещанные Д. Трампом действия – манипулирование таможенными пошлинами вне зависимости от предшествующих состояний торговли с США, претензии к политическим, экономическим и военным позициям европейских стран, изменение подходов к украинской проблеме, возобновление контактов с Россией – повергли в шок страны «западного пула», в течение десятилетий находившиеся в теснейшей военно-политической, экономической и идеологической коллаборации с США.

Инспирированные ЕС попытки произвести перегруппировку интересов стран, вовлеченных в созданную Д. Трампом турбулентность, для восстановления статус-кво конструкции глобальности в конечном итоге были сведены к поиску компромисса с новым американским концептом внешней политики не без надежды вернуться к прошлым шаблонам взаимодействия с США. Для этого есть основания, учитывая непоследовательность и непредсказуемость Д. Трампа, расхождения между его декларациями и их исполнением и др.

В чем Д. Трамп постоянен, так это в своей враждебности к Китаю как к главному экономическому, политическому и военному конкуренту в борьбе за мировое лидерство. Неизбежность новой фазы торговой войны США и Китая не вызывает сомнений, так же как и то, что ее последствия могут изменить общую конфигурацию международной торговли в целом. Велика ве-

роятность введения американской администрацией антикитайских санкций с привлечением корпуса третьих стран, так или иначе находящихся в сфере влияния или под патронажем США, число которых можно увеличить по уже отработанному на России механизму вменения вторичных санкций и аналогичных алгоритмов давления. Возникающая дилемма «дружить с США или поссориться с Китаем» может повлечь за собой реструктуризацию торгово-экономических связей всего мира, так как трудно найти страну, которая не торговала бы или с США, или с Китаем.

В противоположность антикитайской политики Д. Трамп объявляет о регенерации американо-российских отношений на условиях прагматизма и возможностях потенциального партнерства (в подтексте последнего имелась в виду деэскалация отношений с Китаем). Свои намерения Д. Трамп подтвердил личными телефонными разговорами с Президентом России В. В. Путиным, дипломатическими встречами американских и российских представительств, что было болезненно воспринято недружественным Западом и настороженно Китаем как вызов традиционным российско-китайским отношениям при обострении отношений между Китаем и США.

Китай не исключает возможности, в терминологии Д. Трампа, американской «сделки» с Россией, например обмена сокращения антироссийских санкций на сокращение российско-китайского сотрудничества в целом или в отраслях, «раздражающих» США (ИТ-технологии, совместные разработки в ВПК и т. п.), либо предложений американской стороны диверсифицировать внешнеэкономические связи с предполагаемым уроном для Китая, которые Россия будет готова принять по своей коммерческой мотивации, но Китай может рассматривать это как недружественный акт, хотя вне общей стратегии российско-китайского партнерства и имеет возможность отвечать зеркально или повысить свои коммерческие требования к России в двустороннем экономическом обороте.

Если до 2014 г. Россия и Китай считались равноправными торгово-экономическими партнерами, то в санкционный период, особенно с началом СВО, Китай получил возможность диктовать свои условия при совершении внешнеторговых сделок, на которые российская сторона вынуждена соглашаться при отсутствии других вариантов.

Современный китайский бизнес-стиль не учитывает положение России как основного стратегического партнера в геополитике, преследуя утилитарную цель – максимизацию прибыли любыми методами и средствами.

Ранее российско-китайские торгово-экономические отношения не имели прямого влияния на темпы экономического развития стран, сейчас же без китайского участия Россия вряд ли сможет оставаться на уровне стандартных для последнего времени темпов роста (Китай сможет), поэтому приходится мириться с «злоупотреблениями» Китаем его преимущественного положения в двусторонних торгово-экономических отношениях.

Продолжающееся санкционное наступление на Россию не предполагает принципиальных изменений в сложившейся системе экономических отношений России и Китая, с большой долей вероятности можно утверждать, что

зависимость России от Китая будет возрастать и в дальнейшем, сохраняя в своем содержании противоречивое единство выгод и потерь в обозримой перспективе геополитических трансформаций и турбулентностей.

Список литературы

1. Архипкин О. В., Лапшин А. Н., Голик С. А. Политические и экономические тренды российско-китайских отношений // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 20–33. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.20 EDN ТККТКИ
2. Болаев А. В. Перспективы развития российско-китайских инвестиционных отношений // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 4. С. 1867–1880. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119714
3. Воскресенский А. Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 1. С. 32–53. EDN TQUKXV
4. Ельникова Ю. В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С. 52–57. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764 EDN KRAWMP
5. Кашин В. Как украинский кризис повлиял на отношения КНР с Россией и США // РСМД. Рос. совет по междунар. делам. 6 марта 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kak-ukrainskiy-krizis-povliyal-na-otnosheniya-krn-r-rossiy-i-ssha/> (дата обращения: 23.11.2025).
6. Смирнова О. С. Страновой и отраслевой риски как факторы формирования международной стратегии ТНК : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2020. 331 с.
7. Шабькова М. А. Товарооборот между Россией и Китайской Народной Республикой в период действия санкций в 2022 году // Культура и безопасность. 2023. № 1. С. 87–97. DOI: 10.25257/КБ.2023.1.87-97

References

1. Arkhipkin O.V., Lapshin A.N., Golik S.A. Politicheskie i ekonomicheskie trendy rossijsko-kitajskih otnoshenij [Political and Economic Trends of Russian-Chinese Relations]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2020, vol. 32, pp. 20-33. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.20 (in Russian)
2. Bolaev A.V. Perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskikh investitsionnykh otnoshenij [Prospects for the development of Russian-Chinese investment relations]. *Voprosy innovacionnoj ehkonomiki* [Issues of innovative economics], 2023, vol. 13, no. 4. pp. 1867-1880. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119714 (in Russian)
3. Voskresenskiy A.D. Rossijsko-kitajskiye otnosheniya v kontekste aziatskogo vektora rossijskoy diplomatii (1990-2015) [Russian-Chinese relations in the context of the Asian century of Russian diplomacy (1990-2015)]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2015, vol. 6, no. 1, pp. 32-33. (in Russian)
4. Elnikova Yu.V. Rossijskiy povorot na vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy [Russia's Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects]. *World Politics*, 2024, no. 3, pp. 52-57. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764 (in Russian)
5. Kashin V. Kak ukrainskiy krizis povliyal na otnosheniya KNR s SShA i Rossiyey [How the Ukrainian Crisis Affected China's Relations with the US and Russia]. *Rossijskiy soviet po mezhdu-narodnym delam* [Russian International Affairs Council], March 6, 2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kak-ukrainskiy-krizis-povliyal-na-otnosheniya-krn-r-rossiy-i-sha/?ysclid=ma4s7trwfv403857635> (in Russian)
6. Smirnova O.S. *Stranovoy i otraslevoyy riski kak faktory formirovaniya mezhdu-narodnoy strategii TNK* [Country and industry risks as factors shaping the international strategy of TNCs]. Cand. sci. diss. Saint Petersburg, 2020, 331 p. (in Russian)

7. Shabykova M.A. Tovaroorobot mezhdru Rossiiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy v period deystviya sanktsiy v 2022 godu [Trade turnover between Russia and the People's Republic of China during the period of sanctions in 2022]. *Culture and safety*, 2023. no. 1. pp. 87-97. DOI: 10.25257/KB.2023.1.87-97 1 (in Russian)

Сведения об авторах***Архипкин Олег Валерьевич***

*доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и торговой политики, Международный институт экономики и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: arhipkin@id.isu.ru
ORCID 0000-0003-1252-1981*

Лапшин Александр Николаевич

*кандидат философских наук, доцент, кафедра экономики и торговой политики, Международный институт экономики и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: casha_lux@mail.ru
ORCID 0000-0002-1809-1081*

Голик Светлана Александровна

*старший преподаватель, кафедра экономики и торговой политики, Международный институт экономики и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: svetlago66@mail.ru
ORCID 0000-0003-3480-566X*

Information about the authors***Arkhipkin Oleg Valeryevich***

*Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Trade Policy, International Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: arhipkin@id.Isu
ORCID 0000-0003-1252-1981*

Lapshin Aleksandr Nikolaevich

*Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Economics and Trade Policy, International Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: casha_lux@mail.ru
ORCID 0000-0002-1809-1081*

Golik Svetlana Aleksandrovna

*Senior Lecture, Department of Economics and Trade Policy, International Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: svetlago66@mail.ru
ORCID 0000-0003-3480-566X*